

**МЕНЬШЕ, ЧЕМ
СПЕЦ. ЦЕНА**

ЧИТАЙТЕ ВСЕ РОМАНЫ АЛЕКСАНДРЫ МАРИНИНОЙ:

Князь без злого умысла
Стечение обстоятельств
Игра на чужом поле
Украденный сон
Убийца поневоле
Смерть ради смерти
Шестерки умирают первыми
Смерть и немного любви
Черный список
Посмертный образ
За все надо платить
Чужая маска
Не мешайте палачу
Стилист
Иллюзия греха
Светлый лик смерти
Имя потерпевшего никто
Мужские игры
Я умер вчера
Реквием
Призрак музыки
Седьмая жертва
Когда боги смеются
Незапертая дверь
Закон трех отрицаний
Соавторы
Воюющие псы одиночества
Тот, кто знает. Опасные вопросы
Тот, кто знает. Перекресток
Фантом памяти
Каждый за себя
Замена объекта
Пружина для мышеловки
Городской тариф
Чувство льда
Все не так
Взгляд из вечности. Благие намерения
Взгляд из вечности. Дорога
Взгляд из вечности. Ад
Жизнь после Жизни
Личные мотивы
Смерть как искусство. Маски
Смерть как искусство. Правосудие
Бой тигров в долине
Оборванные нити
Последний рассвет

Адрес официального сайта Александры Мариной в Интернете
<http://www.marinina.ru>

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

СТЕЧЕНИЕ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Маринина, Александра.

М26 Стечение обстоятельств / Александра
Маринина. — Москва : Эксмо, 2024. —
320 с. — (А. Маринина. Меньше, чем
спецна).

ISBN 978-5-699-80635-5

Интересно съесть ужин, приготовленный
убийцей. Что Настя Каменская и делает, причем
в компании самого «повара».

Таково стечение обстоятельств: она вычисли-
ла киллера, его сообщников, но для того, чтобы
получить неопровержимые доказательства, ей
надо «раскрутить» расчетливого и хладнокровно-
го профи по всей программе. Вот она и старается,
отчетливо понимая, что любое неосторожное сло-
во или движение может стоить ей жизни.

За окном поздний вечер, и до утра еще целая
вечность...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алексеева М. А., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-699-80635-5

Глава 1

Убийц было трое — Заказчик, Организатор и Исполнитель.

Лучше всех в эту ночь чувствовал себя Заказчик. Он принял решение, дал нужные указания и теперь ждал, когда ему доложат о результатах. Нет, конечно, само решение далось ему трудно после долгих раздумий и расчетов, после многочисленных попыток решить дело другими, более мягкими мерами — деньгами, уговорами, угрозами. Заказчик вовсе не хотел становиться убийцей, но рисковать своим статусом он хотел еще меньше. К нынешнему служебному положению Заказчик пришел из крепкого комсомольско-партийного прошлого и к своим сорока двум годам стал профессиональным начальником. Это означало, что главным для него было родить идею, с которой можно выступить перед вышестоящим руководством, правильно выбрать человека, который сможет организовать воплощение идеи в жизнь и с которого, кстати, можно спросить за невыполнение указаний. Заказчик, как и все такого рода начальники, никогда ничего не делал сам. Дав указания, он облегченно вздыхал и не тревожился мыслями о возможной неудаче, ибо был твердо уверен: раз он велел — все будет сделано. Основа исполнительности —

страх. А заставить исполнителей бояться себя он умел. И на этот раз он, приняв решение, переложил все заботы на Организатора, а сам впервые за последние полгода спал спокойно.

Организатор, наоборот, потерял сон. С того самого дня две недели назад, когда Заказчик внезапно объявился и потребовал встречи. Организатор занимал теперь положение, пожалуй, повыше, чем его старый знакомый, и с неудовольствием думал, что тот будет о чем-нибудь просить, слегка шантажируя их прошлыми отношениями. Но все оказалось куда хуже. Вокруг Заказчика мог разгореться скандал, и в орбиту этого скандала, если дело заварится круто, может попасть и он, Организатор. Все зависит от того, насколько глубоко будут копать. А уж если выплывет имя Организатора или хотя бы даже намек на него, то эти шакалы из группы Ковалева сгрызут его в мгновение ока на радость себе и газетчикам. Прошлое у Организатора было, прямо скажем, грязноватое. Просто пока никому и в голову не приходило в нем разбираться. Но если начнут — конец.

Получив заказ, Организатор нашел Исполнителя и передал ему все сведения, которые получил от Заказчика. Срок Исполнителю дали до понедельника. Сегодня пятница, вернее, уже суббота. Пока он не звонил. Организатор четвертую ночь не спит, плетет жене какую-то чушь о срочном докладе в аппарат Президента, сидит на кухне и с ужасом ждет. Чего он ждет? Сообщения о том, что опасность устранена и скандала не будет? Или о том, что у Исполнителя ничего не вышло и нужно искать другой выход? Какое бы известие он ни

получил, для него это будет означать только отсрочку: либо его скинут политические противники, либо посадят за соучастие в убийстве. Вопрос только в том, кто быстрее обернется. Конечно, Исполнитель — парень надежный, с хорошими рекомендациями. И сейчас только от него зависит, превратятся ли Заказчик и Организатор из респектабельных должностных лиц в банальных уголовников. Все в его руках. Все.

Исполнитель тоже не спал, но не от тревоги и беспокойства. Он был на работе. Он ждал жертву.

Исполнитель знал, что человек, которого ему поручили устранить, находится в командировке и на работу выйдет в понедельник. В такой ситуации, как он рассудил, люди приезжают домой или в четверг, а пятницу прогуливают, или в пятницу-субботу. На всякий случай Исполнитель занял свой пост в квартире жертвы в четверг днем. Он был уверен, что никто другой сюда не придет. Уже тридцать шесть часов он сидит здесь, натянув на руки хирургические перчатки и обвязав кроссовки полиэтиленовыми пакетами. Исполнитель был истинным охотником, и томительное ожидание его не нервировало. Он мог часами сидеть неподвижно, словно погрузившись в анабиоз, не издавая при этом ни малейшего шороха. Периодически он вставал, разминался, пил чай, жевал принесенные с собой бутерброды и шоколад, заходил в ванную, умывался и снова садился в кресло. Иногда он снимал перчатки и, держа руки на весу, давал коже подышать. Исполнителя развлекала мысль о том, что прямо напротив дома, где он находился, располагалась Москов-

ская школа милиции. Под влиянием этого факта он внес небольшие коррективы в продуманный заранее план убийства и слегка развеселился. Вообще-то Исполнитель был человеком серьезным, даже суровым, и юмор у него был мрачным.

Он совсем не думал о том, что от успеха операции зависит чье-то благополучие, даже жизнь. Он был на работе и думал только о том, что от исхода дела зависит его репутация и, стало быть, будущие заказы и плата за их выполнение. Он никогда не имел дела с теми, кого пресса называет «мафиозными группировками», считал их людьми недалекими и неинтересными. Он работал на больших людей, для которых важно, чтобы даже само слово «убийство» ни у кого в голове не возникло. Исполнитель был специалистом по несчастным случаям и скоропостижным смертям. До сих пор у него не случилось осечек, хотя в последний год работать стало неизмеримо труднее. Год назад умер человек, который был его, Исполнителя, крестным отцом — в том смысле, что учил его мастерству: выдержке, аккуратности, терпению, предусмотрительности. Он был не только учителем, но и первым заказчиком, проверившим его в деле и давшим ему своими рекомендациями «путевку в жизнь». По части безопасности и заматания следов он был блестящим специалистом. Когда он умер, Исполнитель понял, что за этой «скоропостижной» смертью стояло тщательно спланированное убийство. Работу профессионалов опытный глаз видит сразу. Что ж, большая политика грязи не любит. Пока крестный был жив, Исполнитель имел дело с людьми его круга, многократно

проверенными и стопроцентно надежными. Теперь же осторожность приходилось удваивать, потому что новым заказчикам рекомендаций никто не выдавал. Вот и это задание он получил неизвестно от кого. Просто обнаружил в почтовом ящике открытку с приглашением в Москву на пятидесятилетний юбилей, который будет праздноваться в ресторане гостиницы «Белград» 6 июня в девятнадцать ноль-ноль. Он сел в поезд, приехал в Москву и в указанный день в одиннадцать часов вечера подошел к гостинице (ко времени, написанному в приглашении, следовало прибавить четыре часа). Дальше все шло по годами отработанной схеме. Уже через десять минут Исполнителю изложили заказ, продиктовали медленно и четко нужные сведения и передали задаток. Вот и все. Никаких лишних разговоров. В этой среде испокон веков существуют свои правила, здесь не ведут разговоров о гарантиях и не пытаются друг друга надуть. Отлаженная система контроля никому не позволяет выкидывать фортели, и Исполнитель знал: есть люди, которые позаботятся о том, чтобы оплату за свой труд он получил вовремя и полностью, и которые проследят за тем, чтобы он не схалтурил.

Дурные предчувствия не томили Исполнителя. Он не тешил себя мыслями о своей исключительности и неуязвимости, прекрасно понимая, что рано или поздно либо сам совершит ошибку, либо обстоятельства сложатся особенно неблагоприятно, и относился к этому философски. Он не был садистом и не получал удовольствия от своей работы. Просто он умел ее делать хорошо и нашел среду, в которой на эту работу всегда есть спрос.

Толпа у стойки регистрации поредела, и Захаров тронул за локоть своего спутника.

— Пойдемте, Аркадий Леонтьевич. Регистрация на ваш рейс заканчивается.

Пожилой subtilный Аркадий Леонтьевич нервно поправил очки и двинулся к стойке.

— Ну, спасибо, Дима, — напряженно улыбнулся он, забирая у девушки-регистратора свой билет. — Мне было приятно с вами общаться. Передайте вашему шефу благодарность от меня. У вас чаевые, как я понимаю, не приняты?

— Ни в коем случае, — подтвердил Захаров. — Оплата только через фирму.

— Жаль, — огорченно вздохнул Аркадий Леонтьевич. — Я хотел бы отблагодарить вас лично. Вы мне очень понравились. Но нельзя так нельзя.

— Для нас лучшая благодарность — повторное обращение в нашу фирму.

Произнося эту дежурную фразу, Дима легонько подтолкнул своего клиента к выходу на посадку. «Иди уж наконец, — устало подумал он. — Время два часа ночи, я хочу спать, а ты мне своей благодарностью голову морочишь».

— Счастливого пути, Аркадий Леонтьевич! Будете в Москве — мы к вашим услугам.

— Да-да, непременно, Дима, непременно. Буду иметь дело только с вашим агентством. Еще раз спасибо!

Расставшись с Аркадием Леонтьевичем, Дима Захаров облегченно вздохнул. Нелегкая это работа — обеспечивать охрану трусливого миллионера.

Выйдя из здания аэропорта, Дима бегом припустился к машине. За те без малого два часа, что он проторчал с клиентом в аэропорту, дождь не только не прекратился, но стал, кажется, еще сильнее. Захаров завел мотор и уже начал было трогаться, когда заметил женщину, медленно бредущую со стороны зоны прилета. Она была без зонта, несла в руке большую спортивную сумку и показалась Диме ужасно несчастной. Автобусы до городского аэровокзала уже не ходили, и Дима сочувственно подумал, что женщине придется либо ждать в аэропорту до утра, сидя на своей сумке в насквозь мокрой одежде, и наверняка получить простуду, либо ехать на такси, выложив за это сумму, раза в два превышающую ее зарплату.

Захаров мигнул фарами и медленно подкатил к женщине.

— Вам в город? — спросил он, опустив стекло на задней двери.

— Юго-Запад, улица Волгина. Подвезете? — В голосе ее Дима не слышал ни радости, ни облегчения. Какая-то безысходная покорность судьбе.

— Садитесь. — Дима быстро поднял стекло и открыл ей дверь.

Прежде чем тронуться, он спросил:

— Знаете, сколько это будет стоить?

— Догадываюсь, — усмехнулась пассажирка, пристраивая сумку на коленях.

— Штуку, — уточнил Захаров, выжидающе глядя на нее. Про себя он решил, что все равно повезет женщину в город, даже если денег у нее нет, потому что ехать-то из Внукова так или иначе придется через Юго-Запад. Но равнодушные пассажирки, которой на голову

свалилась такая редкостная удача — доехать глухой ночью из аэропорта до дома за треть цены, — его задело.

— Да-да, конечно, — рассеянно бросила женщина. — Обычно берут дороже. Или я ошибаюсь?

— Не ошибаетесь, — улыбнулся Дима. — Таксисты и частники берут за такой маршрут ночью минимум три тысячи.

— А вы?

— А я не частник. Я товарища провожал и собирался ехать домой. Увидел вас, такую промокшую, несчастную, с тяжелой сумкой, и стало мне вас жалко чуть не до слез. Ведь за три тысячи вы бы не поехали, правда?

— Правда, — сухо ответила пассажирка. И все-таки Дима Захаров был уверен, что денег у нее нет, даже тысячи.

В свете фонарей Дима пытался исподволь разглядеть свою попутчицу. Лет тридцать или чуть больше, лицо усталое, сильно накрашенное, короткие черные волосы, одежда недорогая, украшения — бижутерия. На повороте женщина чуть качнулась к нему, и Дима уловил запах редких дорогих духов «Циннабар», а уж в духах он разбирался неплохо. «Надо же, — удивленно подумал Дима, — духи у нее стоят столько же, сколько вся одежда вместе взятая».

Женщина между тем открыла «молнию» на сумке, достала маленькое полотенце и стала вытирать волосы.

— Как же вы без зонта в такой-то ливень? — посочувствовал Дима.

— Не люблю в командировку лишние вещи таскать, — коротко ответила пассажирка. Потом, видно, спохватилась и решила быть по-

вежливее. — Никогда не знаешь, где окажешься, поэтому сумка должна быть легкой. Верно?

— Часто приходится ездить? — поинтересовался Захаров.

— Когда как. — Женщина пожала плечами. — Случается, целый год сидишь в Москве, никто тебя не трогает, а потом командировки начинают сыпаться одна за другой, не успеваешь сумку разобрать, как уже надо опять собираться.

— Что же это у вас за работа такая? — Дима был вовсе не прочь потрепаться «ни о чем», чтобы дорога не была скучной.

— Обычная работа. Якобы научная.

— Почему якобы? — удивился Дима.

— Потому что те, кто этой работой занимаются, считают ее научной. А все остальные полагают, что мы проедаем государственные деньги без всякой пользы и занимаемся не наукой, а болтологией.

— Но вас же посылают в командировки, значит, в вашей работе какую-то пользу все-таки видят. Разве не так?

— Не так. Нас используют не как научных работников, а как дешевую рабочую силу. Например, при проведении инспекторских проверок, когда нужны лишние рабочие руки. Как это ни грустно, наши знания никому не нужны.

— Но почему?

— Да потому что есть три сферы, в которых каждый считает себя специалистом: политика, воспитание детей и борьба с преступностью. Все почему-то считают, что в этих вопросах все совершенно очевидно на уровне обычного здравого смысла. И никакая наука

здесь не нужна. Вам приходилось видеть, как люди гадко усмеваются при словах «кандидат педагогических наук»?

— А вы кандидат именно педагогических наук? — Дима не смог сдержать улыбку.

— Нет, я юрист. Но мое положение ничем не лучше. Знаете, как министерские чиновники смотрят на нас, когда мы им приносим документы? Как на попрошаек-графоманов. Мол, опять принесли какую-то чушь, все пишут и пишут, прямо спасу от вас, ученых, нет, нам надо вал преступности останавливать, а вы у нас, таких занятых, время отнимаете, заставляете всякие глупости ваши читать. А потом, недели так через две-три, откроешь газету, а в ней — интервью с сотрудниками министерства, где черным по белому твои же слова из этого самого документа приводятся, только авторство уже не твое. И гонорар не ты получаешь.

— И большие гонорары?

— Копеечные. Да не в них же дело! Просто противно, когда тебя считают полным дерьмом, ничтожеством, у которого можно украсть мысль и даже не поблагодарить, я уж не говорю об извинениях. И знаете, что самое забавное? Большинство таких начальников очень даже не прочь занять кандидатскую степень. Сами они, конечно, написать диссертацию не могут. Их пристраивают соискателями к какому-нибудь маститому профессору, который и пишет им в обмен на ящики с коньяком, дары юга и отдых на взморье. А после защиты эти новоиспеченные кандидаты с еще большим рвением начинают давить науку, приговаривая: «Я сам кандидат наук, я не хуже вас знаю!» Смешно?

Дима промолчал. Он мог бы тоже разоткровенничаться и рассказать своей случайной попутчице, что больше десяти лет работал в милиции, что среди практических работников отношение к милицейской науке было именно таким, как она рассказывает. Мог бы посетовать на недальновидность начальников и несправедливость судьбы. Мог бы рассказать ей, что, уйдя из милиции, он начал работать в частной фирме, занимающейся тем, что весьма обтекаемо называется «коммерческой безопасностью». Их разговор, возможно, стал бы более профессиональным и более доверительным, они, несомненно, нашли бы с дюжину общих знакомых, может быть, даже прониклись бы друг к другу симпатией, и их знакомство закончилось бы совсем по-другому. Все это могло случиться. Но не случилось. Дима Захаров промолчал.

Машина стояла перед светофором на залитом светом перекрестке.

— Я знаю, о чем вы сейчас думаете, — вдруг сказала пассажирка. — Вы пытаетесь прикинуть, есть у меня деньги или нет.

— Я решил, что денег у вас нет, — честно признался Захаров, оторопев от неожиданности.

— Почти правильно. С собой действительно нет, а дома есть. Так что не переживайте. — Она улыбнулась. — Я понимаю: если судить по моему внешнему виду, трудно заподозрить меня в расточительности.

Через несколько минут они подъехали к зданию школы милиции на улице Волгина.

— Сейчас налево, — сказала женщина, — и еще раз налево вдоль дома. Вот здесь, возле арки.

Вдоль фасада шел широкий газон, и Дима подумал, что, пока она дойдет до подъезда, опять вымокнет. Ему стало жаль ее, женщину, которая мотается по командировкам, которую никто не встречает и которая, судя по всему, привыкла надеяться только на себя.

— Давайте я въеду под арку, до подъезда будет ближе, — предложил Захаров.

— Спасибо, — благодарно сказала женщина, открывая сумочку. — Я вам паспорт оставлю в залог, ладно? Или, может быть, подниметесь со мной?

— Ну нет, — хмыкнул Дима, — в наше время машину и на секунду оставить нельзя — разденут. А закрывать ее, снимать зеркала и дворники, потом снова надевать — дольше выйдет. Давайте паспорт.

— Я быстро, — пообещала пассажирка, выходя из машины.

Дима развернулся, поставил машину так, чтобы было удобно выезжать из-под арки, заглушил мотор и притушил фары. Сидя в теплой машине, он курил и неторопливо прикидывал расписание на завтрашний день. В десять надо быть на работе, в двенадцать тридцать забрать Веру из школы и отвезти к бабушке на дачу, успеть обернуться до пяти, потому что в пять семнадцать на Белорусский вокзал поездом Берлин — Москва приезжает очередной сумасшедший клиент, напуганный разговорами о разгуле преступности в русской столице. Клиента надо будет отвезти в гостиницу. Вечер пока трудно планировать: шеф дал понять, что клиент непростой и ему, кроме личной охраны, могут понадобиться услуги, как он выразился, информационного характера...

Дима посмотрел на часы. Без двадцати три. Он ждет уже пятнадцать минут. Странно. На «динамистку» она не похожа, да и паспорт оставила. Не может деньги найти? Уехала в командировку, а муж-пьяница все пропил. Или сын-балбес все на жвачку истратил. Дима пролистал паспорт. Филатова Ирина Сергеевна, москвичка, фотография, безусловно, ее, штамп о регистрации брака, штамп о расторжении брака, прописка. Дети в паспорте не записаны, стало быть, их нет.

Дверь подъезда открылась, на асфальт упал прямоугольник света. Дима потянулся было к рукоятке, чтобы опустить стекло, но из дома вышел какой-то мужчина. Сколько можно ждать, в конце концов? Дима снова открыл паспорт на странице с пропиской, посмотрел номер квартиры и решительно вышел из машины.

Глава 2

В понедельник Настя Каменская проснулась, как всегда, разбитая, она была настоящей «совой», засыпала поздно, и подъем в семь утра был для нее мучительной процедурой. Настя с трудом вытащила себя из сна и, тяжело волоча ноги, поплелась в ванную.

Господи, как же противно на себя смотреть. Лицо припухшее, под глазами мешки — угораздило же выпить на ночь две чашки чая, знает ведь, что за два часа до сна нельзя ни капли жидкости, иначе к утру лицо отекает. Ох как хочется спать...

Настя встала под душ, включила воду, сначала горячую, потом прохладную, и стала тер-

пеливо ждать, пока организм проснется. Обычно на это уходило минут десять. Вяло орудуя зубной щеткой, Настя попыталась умножить тридцать семь на восемьдесят четыре. Сбилась. Сонный мозг отказывался производить простейшие операции. Сменила числа и попробовала еще раз. Получилось. Начала перемножать трехзначные числа. Процесс пробуждения шел успешно, потому что произведение получалось с первой попытки. Последняя проверка — вспомнить десять слов на шведском языке. На этот раз Настя называла про себя слова, обозначающие предметы кухонного обихода. Вообще-то она не учила шведский язык, равно как и множество других, но любила запоминать слова, как она сама признавалась, для умственной гимнастики. Настя знала примерно по пятьсот слов из всех европейских языков. Дело в том, что ее мать была уникальным специалистом по составлению программ компьютерного обучения иностранным языкам, и все свои идеи и методические находки профессор Каменская пробовала и отрабатывала на дочери.

На девятом слове Настя почувствовала, что замерзает, — вода оказалась слишком холодной. Она напрягла память, извлекла из ее недр шведский синоним слова «сито» и быстро схватила полотенце.

Полдела сделано, мозг приведен в рабочее состояние. Теперь нужно заставить тело двигаться. Настя пошла на кухню и принялась молоть кофе. Пока закипала вода, она открыла холодильник, вытащила пакет апельсинового сока и лед. Удовольствие, конечно, дорогое, в который раз отметила Настя, паке-

та хватает на четыре дня, если пить сок только по утрам, а это две тысячи без малого в месяц. В мае она была в отпуске, никуда не поехала, вместо этого взяла «халтуру» — перевод с французского детективного романа Шарля Эксбрайя, и весь гонорар тут же истратила на такие вот дорогие удовольствия: купила тридцать пакетов сока, несколько банок кофе, три блока хороших сигарет. А еще Настя купила свой любимый мартини — единственный напиток, от которого она получала наслаждение.

Тело медленно, как бы неохотно, отзывалось на каждый глоток ледяного кисло-сладкого сока. Под горячий кофе дело пошло совсем на лад, а после первой сигареты Настя почувствовала себя совсем хорошо.

Позавтракав, она скинула халат и снова подошла к зеркалу. Отечность спала, на себя уже можно смотреть без отвращения. Настя критически разглядывала свое отражение. Что ж делать, не дал бог красоты. И ведь нет в ней откровенно уродливого. Черты лица правильные, фигура ладная, пропорциональная, с длинными ногами, тонкой талией. Все в отдельности было хорошо, а вот вместе складывалось во что-то неприметное, стандартное, гладкое — глазу не за что зацепиться. Явным дефектом были только светлые брови и белесые ресницы, но, даже подкрасив их, Настя казалась серой мышкой. Мужчины на таких не оглядываются.

Натянув джинсы и футболку, сделав легкий макияж, Настя Каменская отправилась на работу.

Собирался на работу и Виктор Алексеевич Гордеев, начальник отдела МУРа, — невысокий, круглоголовый, почти совсем лысый, с солидным брюшком, имевший среди подчиненных прозвище Колобок.

Виктор Алексеевич был ярким олицетворением, можно сказать, живым воплощением истины об обманчивости внешности. Из пятидесяти трех прожитых лет тридцать два года он служил в милиции, и из этих тридцати двух лет двадцать шесть работал в уголовном розыске. За двадцать шесть лет он понял, как нужно раскрывать преступления, поэтому, когда он возглавил отдел в МУРе, работа под его руководством пошла куда успешнее, чем до него. Мягкий, неизменно доброжелательный, Гордеев был фантастически злопамятен и недоверчив. А кроме того, он никогда и ничего не боялся, потому что был весьма удачно женат.

История женитьбы Колобка являла собой подтверждение старой истины, гласящей, что брак по расчету может быть счастливым, если расчет сделан правильно. Дело в том, что Колобком Гордеев не стал. Он им родился. И вплоть до окончания средней школы был неизменным предметом насмешек и издевательств со стороны одноклассников. Закомплексованный, злой на весь мир, толстый, но, несмотря на это, ловкий и сильный, Витюша Гордеев после службы в армии пошел работать в милицию только потому, что это было в те времена престижно и почетно и могло